

DOI: 10.18572/2687-0339-2024-2-58-60

Рецензия на: Коваленко А.Г., Пороль О.А., Пороль П.В. Художественное пространство в русской поэзии первой трети XX века (библейский дискурс). М.: Юрист, 2022. 208 с.

Борис Вадимович Соколов,

доктор филологических наук, кандидат исторических наук,
член Международного совета издательских программ и научных проектов
Ассоциации исследователей российского общества (АИРО-XXI)
E-mail: bvsokolov@yandex.ru

В рецензии подчеркивается, что книга А.Г. Коваленко и О.А. и П.В. Пороль доказывает, что библейский дискурс был основным содержанием как символической, так и акмеистической русской поэзии Серебряного века в первой трети XX века. Авторы рецензируемой книги также утверждают, что одной из важнейших тем русской литературы первой трети XX века было сопротивление дурной бесконечности и в то же время стремление к гармоничному, целостному миру (или актуальной бесконечности).

Ключевые слова: серебряный век, поэзия, акмеизм, символизм, русская литература первой трети XX века, библейский дискурс, дьявольский дискурс.

Монография литературоведов А.Г. Коваленко и О.А. и П.В. Пороль посвящена отражению в поэзии Серебряного века библейских мотивов. Здесь, с одной стороны, речь идет только о представителях тех поэтических направлений Серебряного века, которые развились уже с началом XX века, т. е. младосимволисты и акмеисты. С другой стороны, сама эпоха Серебряного века продлена вместо традиционного 1917 года до конца первой трети XX века. Такое продление представляется оправданным, поскольку большинство поэтов, рассматриваемых в монографии, творили вплоть до этого рубежа в рамках тех поэтических систем, которые сформировались еще до 1917 года. Стоит отметить, что к такому «длинному Серебряному веку» порой относят и некоторых советских писателей, например, Михаила Булгакова с романом «Мастер и Маргарита», определяемым как постсимволистский. Авторы рецензируемой монографии вполне справедливо полагают, что для таких поэтов, как Александр Блок, Николай Гумилев, Андрей Белый, Осип Мандель-

штам, Анна Ахматова, Вячеслав Иванов, Юргис Балтрушайтис, Федор Сологуб, Максим Волошин, Иван Бунин, библейский дискурс был не просто значим, но составлял основное содержание их поэзии, так как младшие символисты и акмеисты видели в библейских символах «возможность приблизиться к религиозному познанию мира» (с. 6). Под библейским дискурсом А.Г. Коваленко и О.А. и П.В. Пороль понимается «специфика функционирования библейского текста в поэтическом метатексте русской литературы первой трети XX века в совокупности с внутренними и внешними факторами, влияющими на него» (с. 48). Для анализа пространственно-временной природы поэтических произведений используется методология П.А. Флоренского. Вывод о том, что «онтологическому пространству свойственно определенное время, которое возникает в результате обратимых процессов, когда лирический герой поднимается над земным его ходом, меняет перспективу по отношению к земному пространству бытия» (с. 183–184), созву-

чен идеям П.А. Флоренского об обратной перспективе. Обращенное время в онтологическом пространстве поэзии представляет собой «длющийся факт, восходящий к библейским событиям и являющийся реактуализацией прошедшего времени. Однажды совершенное событие продолжает существовать во времени (например, факт Голгофы, Рождества Христова и др.)» (с. 185). Тут необходимо отметить, что подобная реактуализация прошлого представляет собой сакральное время, принципиально отличное от земного времени и свойственное библейскому поэтическому дискурсу. Поэтому поэзию и прозу Серебряного века бесполезно рассматривать с точки зрения поэтики реализма. Мотив обращенного времени в творчестве указанных поэтов часто связан с мотивом семени (зерна) — символа «возможности будущего воспроизведения, повторения, возрождения» (с. 181). Обращение к библейскому дискурсу было вполне естественным для русских поэтов в условиях первой трети XX века, когда в России развивалась религиозная философия и связанная с ней религиозная культура и параллельно этому назревала, а в 1917 году победила большевистская революция, стремившаяся заменить христианство в сознании русских людей марксистской гражданской религией. Дальнейшее развитие религиозной философии в России было прекращено в связи с эмиграцией и высылкой наиболее видных религиозных философов и ужесточением цензурного гнета в СССР, исключившим какие-либо религиозные публикации.

Авторы монографии убеждены, что «наряду с диаволическим дискурсом в русской литературе активно развивался и никогда не замолкал библейский дискурс. Спротивление дурной бесконечности и, одновременно, устремленность к гармоничному, целостному миру (или актуальной бесконечности), пожалуй, одна из важнейших тем русской литературы первой трети XX века <...>» (с. 9). Здесь библейский дискурс, выражением которого является символическая поэзия, противопоставлен диаволическому дискурсу, который известный австро-германский филолог А. Ханзен-Лёве на примере русского символизма определяет следующим образом: «<...> существовало представление

о символическом как о праединстве, как о гармонии части и целого, синтезе или соединении противоположностей и, соответственно, реализации этого единства в мышлении, языке и жизни. Это единство или соединение представляется, по крайней мере при существующих обстоятельствах жизни и искусства, еще (или уже) нереализуемым, и потому поэт в творчестве (как художественном, так и жизненном) вынужден занимать позицию констатации дефицита возможностей самовыражения, позицию ожидания, предчувствия грядущего или переживания прошедшего, позицию отказа от творчества или даже полной антикоммуникации. Он разворачивает диаволический дискурс на фоне пока невозможной или невозможной вовсе символической поэзии. <...> сомнению в ценности посюстороннего повседневного мира и форм его выражения (включая традиционное искусство) противостоит сомнение в реальности другого, потустороннего мира и достигаемого в нем единства. Как это часто бывает в подобных случаях, морально-этический, религиозно-мистический и художественно-эстетический максимализм резко переходит в свою противоположность — аморализм, кошуство, антиэстетизм и нигилизм. <...> поскольку поэт охвачен принудительными связями повседневного мира и не располагает при этом адекватными средствами выражения “мира иного”, он должен сначала создать диаволический дискурс, с надеждой, тщетной или утраченной, когда-нибудь достигнуть символического дискурса» [Ханзен-Лёве 1999: 57–58].

Российский литературовед О.В. Зырянов, примерно с тех же позиций рассматривавший поэтические системы Александра Пушкина, Федора Тютчева и Михаила Лермонтова, т. е. поэтов Золотого века, пришел к выводу о «целостном единстве аксиологической системы русской классической поэзии» на основе духовно-философской парадигмы христианской системы ценностей» при одновременном проблемном различии «индивидуальных, вариативных составляющих» [Зырянов 2007: 147]. К аналогичному выводу приходят в своем исследовании поэзии Серебряного века авторы рецензируемой монографии.

А.Г. Коваленко и О.А. и П.В. Пороль под библейским дискурсом применительно к русской поэзии первой трети XX века понимают «устойчивый повтор частотных библейских слов, мотивов, сюжетов», что позволяет «прочитать разрозненные фрагменты как единый поэтический текст, в котором выстраивается целостная пространственно-временная картина миропонимания эпохи» (с. 5). Библейские сюжеты в стихотворениях поэтов, чье творчество анализируется в рецензируемой монографии, рассматриваются как во многом взаимодополняющие и формирующие метатекст библейского дискурса. Главной целью при этом был «поиск утраченной гармонии» в «постоянно меняющемся, дробящемся «страшном мире»» (с. 182). При этом обретение гармонии достигалось обращением к инобытию, что «было не просто побегом от реальной страшной действительности, но закономерностью, которую диктовала целостная картина мира» (с. 186). В то же время в библейском дискурсе возникают отдельные частные пространства, различающиеся между собой. Так, «возникшее ху-

дожественное онтологическое пространство акмеистов (Н. Гумилева, А. Ахматовой, О. Мандельштама) отличалось от пространства символистов (Ф. Сологуба, А. Блока, Вяч. Иванова и др.) осознанием Бога-Логоса как доминанты в выборе верного *пути*» (с. 126), причем «земное время воспринималось акмеистами не как линия, убегающая вперед, а как преддверие вечности» (с. 187).

Степень приближенности к онтологическому пространству различалась, причем иногда у одного и того же поэта, «от тесного, темного Я (Ф. Сологуб) до бесконечного и светлого (Ф. Сологуб, Ю. Балтрушайтис, Н. Гумилев, И. Бунин и др.)» (с. 186). Можно сказать, что, по выражению Мандельштама, поэты в первую очередь искали «места во Вселенной», и только потом — места в России (с. 186).

Монография А.Г. Коваленко и О.А. и П.В. Пороль, безусловно, будет полезна студентам и преподавателям филологических факультетов вузов при преподавании курсов по русской поэзии и истории литературы Серебряного века.

Литература

1. Зырянов О.В. Онтология поэтических систем (Пушкин — Тютчев — Лермонтов) и христианская картина мира // Классическая словесность и религиозный дискурс (Проблемы аксиологии и поэтики). Екатеринбург : УрГУ, 2007. С. 119–149.
2. Ханзен-Лёве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм : перевод с немецкого. Санкт-Петербург : Академический проект, 1999. 512 с.

Review Of: Kovalenko A.G., Porol O.A., Porol P.V. Artistic Space In Russian Poetry Of The First Third Of The XX Century (Biblical Discourse). Moscow: Jurist, 2022. 208 p.

Boris V. Sokolov,

Dr. Hab. in Philology, Ph. D. in History, the Member of the International Council of Publishing Programs and Research Projects of the Association of the researchers of the Russian society (AIRO-XXI)

E-mail: bvsokolov@yandex.ru

The review stresses that A.G. Kovalenko and O.A. and P.V. Porol's book proves that the biblical discourse was the main content of the both symbolic and acmeistic Russian poetry of the Silver Age in the first third of the 20th century. The authors of the reviewed book also state that one of the most important themes of Russian literature in the first third of the 20th century was the resistance to bad infinity and, at the same time, the aspiration to a harmonious, integral world (or actual infinity).

Key words: the Silver Age, poetry, acmeism, symbolism, the Russian literature of the first third of the 20th century, biblical discourse, diabolical discourse.